

Роман «**Барбаросса**» (1-я публ.: Наш современник. 1991. № 2–8) — последнее произведение П. По замыслу писателя, «Барбаросса» — политический роман, в котором присутствует «большая стратегия и большая политика», «глобально-стратегический обзор событий» (Пикуль В. С. Делать карьеру непременно...: интервью // Политический собеседник. 1991. № 8).

П. удостоен высоких правительственных наград: награжден двумя орденами Трудового Красного Знамени (1978, 1988), Орденом Отечественной войны II степени. П. присуждены Гос. премия РСФСР им. А. М. Горького, лит. премия Министерства обороны СССР, премия им. М. А. Шолохова (1993, посмертно). В 2002 сошел со стапеля корабль-тральщик «Валентин Пикуль».

Фонд П. учредил лит. премии писателям-маринистам и стипендию его имени для студентов Московского лит. ин-та. Произведения писателя переиздаются огромными тиражами.

Соч.: ПСС: в 30 т. / сост. и предисл. А. И. Пикуль; под ред. Ю. Бондарева. М., 1992–2002; Соч.: в 13 т., 18 кн. / вступ. статья и сост. А. И. Пикуль; под общ. ред. Л. М. Кузнецова. М., 1992; Соч.: в 20 т. / сост., предисл. и комм. А. И. Пикуль. М., 1991; Избранные произведения: в 12 т. М., 1992; Из рукописного наследия / подгот. рукописей к публ., сост. и вступ. статья А. И. Пикуль. М., 1993; Славное имя — Берегиня. М., 1990; Площадь павших борцов // Роман-газ. М. 1992. № 5–6; Барбаросса: Роман-размышление / сост. и комм. А. И. Пикуль. М., 2005.

Лит.: Мессер Р. Знакомые имена — новые встречи. Л., 1969; Филатова А. И. К вопросу о многообразии исторического повествования (Романы-хроники В. Пикуля) // Фольклор и лит.-ра Урала. Вып. 3. Пермь, 1976; Герасимова Л. История в романе // Лит. обозрение. 1978. № 8; Гордин Я. Исторический роман или обработанный фольклор? // Там же; Буганов В. И. Два писателя об истории России второй половины XVIII века // Вопр. истории. 1985. № 4; Обсуждаем роман В. Пикуля «Фаворит» // Лит. обозрение. 1986. № 7; Коняев Н. История Валентина Пикуля // Ленинградская панорама. Л., 1988; Каменев С. Л. Любовь к истории питая: Портрет писателя В. Пикуля. М., 1990; Гулыга А. В. Уроки классики и современность. М., 1990. С. 299–322; Юдин В. А. Человек. История. Память. М., 1990; Гузанов В. Г. Правда о жизни и смерти Валентина Пикуля. М., 1991; Юдин В. А. Роман-завещание Валентина Пикуля // Сибирь. 1994. № 1; Пикуль А. И. Валентин Пикуль: Из первых уст. М., 1995; Волков М. Д. Сжигающий над столом пламя: Воспоминания о Пикуле. М., 1995; Пикуль А. И. Уважаемый Валентин Саввич!.. Письма к писателю. М., 1998; Виноградов Ю. А. Сладкая каторга. Встречи с Валентином Пикулем. М., 1999; Рычкова О. Символ нашей победы // Лит. газ. 2005. № 19. 6–12 мая.

А. И. Филатова

Б. Пильняк

ПИЛЬНЯК Борис (настоящее имя Борис Андреевич Вояг) [29.9(11.10).1894, Можайск Московской губ.— 21.4.1938, в заключении] — прозаик.

Отец П.— земский врач-ветеринар, из немецко-колонистов Поволжья, мать из купеческой семьи, оба в молодости — участники народнического движения. Учился в гимназиях Саратова, Богородска (ныне Ногинск), Нижнего Новгорода, куда переезжала семья по делам службы отца. Позднее, подчеркивая свою близость к земской интеллигенции, со свойственным ему лиризмом писал: «Я помню эти уезды и людей, раскиданных по селам, в домах, построенных по одному плану земством, с бревенчатыми стенами, с некрашеными полами, с окнами в поле, в метели, в одиночестве; там жили врачи, такие же, как мой отец, третий земский элемент, в валенках и смазных сапогах, в овчине, с гардеробами, вместо книжных шкафов, для книг, с гречневой кашей на второе за обедом, с одиночеством, полями, мужичьим горем» (Ленинград. 1924. № 3). В худож. исследовании жизни и мироощущения провинциального русского интеллигента П. будет видеть одну из своих творческих задач. В 1913 поступил в Московский коммерческий ин-т и окончил его по экономическому отделению (1920).

Первый лит. опыт П.— лирическая миниатюра «**Весной**» была опубликована в мос-

ковском ж. «Копейка» (1910. № 9). Начало постоянной лит. деятельности — 1915, когда один за другим стали появляться рассказы П. («из земской жизни» в «толстых» лит. ж. («Русская мысль», «Ежемесячный ж.») и альм. («Жатва», «Сполохи» и др.). Тогда же возник и псевдоним — по названию хутора Пильнянка в Харьковской губ. («пильнянками» назывались жители лесоразработок — «пильнянок»), где П. жил у своего дяди А. И. Савинова — живописца и реставратора (позже академика). В 1915 поселяется в г. Коломне, и его писательский образ надолго связывается с этим подмосковным уездным городом. Именно провинциальная Коломна с ее легендарным прошлым, уходящим в глубины русской истории, с ее бытовым и психологическим укладом, где традиционное причудливо смешано с новым, послужила основой для формирования той «картины мира», которую создает П. в своих произведениях конца 1910-х — начала 1920-х.

В первом сб. рассказов «С последним пароходом» (1918) в стиле импрессионистических зарисовок представлены «фрагменты» уездной жизни с ее «вписанностью» в природу и внешней неторопливостью, скрывающей, однако, в себе драматическую напряженность и некие смутные ожидания. Творчество П. получило резонанс в связи с выходом его второй книги «Быльё» (1920) — одной из первых попыток отразить быт революционной эпохи, запечатлеть смятение, разброд, неустойчивость и одновременно — иллюзии и надежды пореволюционных лет. Сразу же после выхода книги наметились те критические полюсы в восприятии творчества П., противостояние которых определит его дальнейшую писательскую судьбу. Одни приветствовали П. как «бытописателя революции» (Губер П. Борис Пильняк // Летопись Дома литераторов. 1921. № 4. С. 3–4) и отмечали его стремление обнажить национальные корни революции (см. рец. А. С. Яценко в ж. «Новая русская книга». 1922. № 2); другие склонны были отождествлять его творчество с «лит-рой упадка» (Ангарский Е. (Клестов). Лит-ра упадка // Творчество. 1920. № 5–6). На этом фоне выделялся обстоятельный отзыв Д. А. Лутохина, который сравнил фактурный стиль П. с письмом художников голландской школы и первым заговорил о его лит. родословной. «Он любит русский быт, фольклор, хорошо знает московские закоулки, далекую провинцию. Здесь он напоминает Андрея Печерского, Ремизова, Замятина. Но это „сродство“, а не подражание. У Пильняка свои слова,

свой ритм, свои темы <...>. У него какой-то особенно четкий рисунок и тонкая мысль подлинного модерниста» (Вестник лит.-ры. 1920. № 8. С. 8).

Настоящую известность принес П. роман «Голый год» (1921), первый роман о революции. Он обращал на себя внимание не только новизной «жизненного материала», но прежде всего экспериментальностью формы: отсутствием четкой сюжетной линии, отказом от фабулы и традиционных романских характеристик, «монтажным» принципом соединения разнородных в тематическом и стилистическом отношении «кусков» повествования. Сам П. так рассуждал о связи революционной действительности и характера «письма»: «Революция заставила разорвать в повести фабулу, заставила писать по принципу „смещения планов“. Революция заставила в повести оперировать массами, — масса-стихия вошла в „я“ органически» (Печать и революция. 1922. Кн. 1. С. 294–295). Попытка уловить на индивидуальную ритмику эпохи, ее «коллективное бессознательное» уведила от психологизма к экспрессионистической поэтике плаката, от развернутой последовательности сюжета к самоценности «кадра», «фрагмента», от «красот» литературного стиля к сбивчивой внутренней речи, косноязычию. В области повествовательной техники П. опирался на новации Андрея Белого и А. М. Ремизова, разрабатывая метод «тематического символизма». С помощью лейтмотива писатель варьирует семантически противопоставленные понятия-концепты (Россия — Европа, Петровская революция — Октябрьская революция, Москва — Петербург, машины — волки и т. д.). П. часто прибегал к параллелизму между природной и социальной жизнью («Метель», 1922; «Мать сыра-земля», 1927), использовал, по выражению Е. И. Замятина, принцип «смещения плоскостей», смещения точек зрения (ср. названия подглав в «Голом годе»: «Глазами Андрея», «Глазами Натальи», «Глазами Ирины»), предоставляя слово каждой позиции и внешне устраняясь от прямых авторских оценок. Погружаясь в стихию революции (героями всех произведений П. были «Россия. Революция. Метель») и прислушиваясь к ее голосам, писатель делал вывод: «Нету единой, абсолютной правды на этом свете!» (рассказ «Ледоход»). И все-таки глубинное пространство прозы П. пронизано светом авторского отношения: для него «человеческое» всегда предпочтительнее «сверхчеловеческого». Симпатии П. отданы не «людям в кожаных куртках», которые во-

площали революционную «волю к власти» («Голой год»), а таким героям, как Константин Вильяшев из рассказа **«Тысяча лет»**. Оценивая настоящее как период всеобщего ожесточения, этот персонаж ставит под сомнение справедливость и гуманность тех лозунгов, которые для своего осуществления требуют жертв. «Братство, равенство, свобода... Если братство надо вводить прикладом, — тогда... лучше не надо... Мне одиноко. Мне скорбно и одиноко. Чем человек ушел от зверя?» (Быльё. М., 1920. С. 50). П. показывает, как в революции сливаются стихийное и программное, осознанное и бессознательное. Писатель выступал при этом как своеобразный психоаналитик революции.

В начале 1920-х П. много и напряженно размышлял об историческом пути России, выстраивая при этом собственную историософскую концепцию (**«Повесть Петербургская, или Святой камень-город»**, 1922; **«Третья столица»**, 1923), связанную отчасти со славянофильской традицией. История России предстает у П. как противостояние двух типов «жизнестроения»: «московского» и «петербургского». Император Петр I, образ которого выписан в подчеркнуто натуралистической манере, показан П. как властитель, действия которого подчинены инстинктам. В безумном порыве гос. самоутверждения он возводит на финских болотах новую столицу Российской империи — город-морок, чуждый национальному укладу. П. в такой трактовке шел за Д. Мережковским («Антихрист»). Однако старой Руси суждено было проснуться через два столетия и запылать очищающим огнем в стихийном бунте Октября 1917. Народная революция, несущая в себе отзвуки прошлых бунтов — «разиновщины», «пугачевщины», высвободила подспудные силы народа, скованные космополитичной петровской государственностью. «Мужицкая» революция завершила петербургский период русской истории, свидетельство чему — возвращение столицы в Москву, в центр «подлинной» России.

Следующий роман П.— **«Машины и волки»** (1924), где мир предстает в антагонизме между природой и цивилизацией, свидетельствовал о том, что писатель освобожден от замороженности буйством стихийных сил русской революции. После поездки в Англию в 1923 он приветствовал революцию на следующем витке ее развития — уже как «городскую, машинную». Этому и был посвящен роман **«Волга впадает в Каспийское море»** (1929), в котором, однако, правота одних — инициаторов со-

здания канала Москва–Волга и его строителей — не уничтожает правоты других — жителей патриархальной Коломны, к древним стенам которой подходит искусственное русло новой реки. Обе позиции «истинны», но дисгармония неразрешима. Как всегда у П., однозначность прочтения отсутствует, ибо право на существование, по мнению писателя, имеют и машины, и волки, и природа, и цивилизация, и старое, и новое. Главное — услышать голос каждого в многоголосии истории.

Исследуя противоречия природного и социального бытия человека, П. постоянно подчеркивал, что человек не сводим ни к какой социологической схеме, он всегда оказывается «поверх барьеров». П. интересовало то, как пересекаются общее, социальное и индивидуально-неповторимое, «глубинное», «вечное» (**«Иван Москва»**, 1927, и др.), что и составляет смысл существования человека в мире. Такая позиция была неприемлема для сторонников регламентированного социально-худож. схематизма. В 1926 был конфискован тираж номера «Нового мира» с публикацией **«Повести непогашенной луны»** П. Произведение звучало актуально и пророчески. Здесь ставилась проблема произвола тоталитарной власти в период становления государства нового типа. В 1929 развернулась очередная кампания в связи с публикацией в берлинском изд-ве «Петрополис» повести П. **«Красное дерево»**, результатом чего стал уход П. с должности председателя Всероссийского союза писателей.

Однако П. еще была предоставлена возможность «исправиться». Он совершил несколько зарубежных поездок (в США, Японию), написал книги очерков (**«О'кей, американский роман»**, 1933; **«Камни и корни»**, 1934), роман о мастерах Палеца **«Созревание плодов»** (1935; опубл. 1936). В 1934 П. был избран делегатом I съезда советских писателей. Однако атмосфера политического недоверия и творческого неприятия вокруг П. сгушалась. 1936–37 прошли для советских писателей под знаком «борьбы с троцкизмом», и ни одно «проработочное» мероприятие не обходилось без обвинений П. На состоявшемся 4 апр. 1937 общемосковском собрании писателей П. вынужден был признать порочность своей «внепартийной» позиции и как следствие ее — «неисторичность», «хаотичность» мировоззрения. Он, как всегда, предельно искренен и в своей искренности не защищен: «Я проповедовал принципиальную позицию беспартийности. А в придачу к этому еще со времен

дореволюционных я был учеником Белого и Блока, скифствовал с ними в начале революции и не заметил, что в советскую литературу вошел, скажем так, „метелями“...» (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 212). 12 окт. 1937 П. был арестован. Он успел закончить свой последний роман «**Соляной амбар**» (опубл. 1990), где вновь обращался к феномену русской революции в провинции и роли в ней интеллигенции (рукопись романа была сохранена первой женой писателя М. А. Соколовой). П. инкриминировалась организация террористического заговора писателей с целью совершения актов против членов правительства. По приговору Военной коллегии Верховного суда СССР П. был расстрелян. Посмертно реабилитирован.

Соч.: СС: в 8 т. М.; Л., 1929–32; Расплетенное время: Рассказы, повести, романы / сост., послесл. и прим. Б. Б. Андроникашвили-Пильняка. М., 1990; Романы / сост., вступ. статья и прим. И. О. Шайтанова. М., 1990; Повести и рассказы. 1915–1929 / сост., вступ. статья и прим. И. О. Шайтанова. М., 1991; Соч.: в 3 т. / сост., подгот. текста и комм. Б. Б. Андроникашвили-Пильняка. М., 1994.

Лит.: Воронский А. К. Лит. портреты. Т. 1. М., 1928; Б. Пильняк: Статьи и материалы. Л., 1928; Палиевский П. Экспериментальная литература // Вопр. лит.-ры. 1966. № 8; Шайтанов И. Когда ломается течение (Исторические метафоры Бориса Пильняка) // Вопр. лит.-ры. 1990. № 7; Грякалова Н. Ю. Борис Пильняк: Антиномии мира и творчества // Пути и миражи русской культуры. СПб., 1994; Б. А. Пильняк. Опыт сегодняшнего прочтения. М., 1995; Б. А. Пильняк. Исследования и материалы: Межвузовский сб. науч. трудов / отв. ред. А. П. Ауэр. Коломна, 1991–2001. Вып. 1–4.

Н. Ю. Грякалова

ПИЛЬСКИЙ Петр Мосеевич [16(28).1. 1879, Орел — 21.12.1941, Рига] — прозаик, лит. и театральный критик.

«Моя родина — г. Орел. Там офицер 144-го Каширского полка Мосей Николаевич Пильский женился на дочери графа Девиера, Неониле Михайловне, и первенцем от этого брака родился я» (ИРЛИ. Архив С. А. Венгерова. 2-е собр. автобиографий. № 2176). П. окончил 4-й Московский кадетский корпус, а затем Александровское военное училище, откуда в 1894 выпущен в 120-й Серпуховской полк, размещенный в Минске.

Печататься П. начал еще кадетом, а первые значительные публикации появились в «Минском листке» в 1895–97. Выйдя в отставку, П. приехал в столицу, где сотрудничал в «Биржевых новостях» и мн. др. изд.

В 1902 П. опубликовал первые рассказы: «**Подруги**», «**У фабричной трубы**», «**Сумасшедший дом**» и др. В нач. 1900-х П. получил широкую известность как журналист и театральный критик, выступая «по вопросам революции и искусства». В апр.–мае 1905 дважды был арестован. Против П. как автора брошюры «**Охранный шпионат**» (1906) было «возбуждено судебное преследование», в ней усмотрели «оскорбительную и резкую критику деятельности русской Государственной полиции» (РГИА. Ф. 777. Оп. 7. Ед. хр. 179). Тираж был изъят из типографии. Через 2 года его снова подвергли судебному преследованию за статью против смертной казни (**Кладбище** // Утро. 1908. 7 июля. № 6).

П. выпустил сб. «**Рассказы**» (1907; 2-е изд. 1910), отмеченный А. И. Куприным: «Внутреннее настроение его рассказов производит... сильное впечатление» (РГАЛИ. Ф. 2517. Оп. 1. Ед. хр. 151. Л. 47), и 2 книги критических статей: «**Проблемы пола, половые авторы и половой герой**» (1909) и «**Критические статьи**» (1910). Восторженную характеристику П.-журналисту дал Л. П. Гроссман: «Его стиль изумительно богат, блестящ, ослепителен... книга П. представляет собой горячую, субъективную, интимную импровизацию ума» (Одесские новости. 1910. № 8019. 19 янв.). К этому времени относятся упоминания о П. в мемуаристике: «Яркий богемист Петр Пильский был талантливый, своеобразный, экспансивный... критик-публицист» (Н. Н. Ходотов), «изящный молодой человек... В пенсне. Гладко выбритый подбородок. Чистенький костюмчик. Модный галстук... Франт» (Старый журналист Д'Ор), «Известный критик и журналист... удивительно одаренный человек... щеголяющий изысканными парадоксами» (А. И. Дейч). В 1910–13 П. ездил по югу России, публиковал статьи в киевских газ. и «Одесских новостях», вел лит. вечера, впервые представляя публике В. П. Катаева и Э. Багрицкого, открывал вечер футуристов. П. был автором статей и очерков о творчестве Чехова, Куприна, Бунина, Брюсова, М. П. Арцыбашева, Л. Н. Андреева и др. Его известность была почти легендарной. В 1914 П. был призван в армию, получил тяжелое ранение на фронте. Через год смог вернуться к лит. деятельности, работал в «Журнале журналов», «Солнце России», «Аргусе», «Русской воле», «Театре и искусстве» и др. После Февральской революции П. начал издавать собственный ж. «Эшафот» («орган памфлетов», выходящий «в дни именин глу-